

НЕВЫБРАННАЯ

АЯ ЛАГОВИК

Ая Лаговик

Невыбранная

<https://litres.ru/74610684>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она знает его тело лучше, чем он сам. Но так и не узнала, кем была для него.

Мира всегда рядом. Лечит его травмы, открывает дверь после полуночи и ничего не спрашивает. Почти ничего.

Макс привык получать всё, чего хочет. В том числе её.

Рано или поздно у каждого сердца кончается тепло. И когда оно исчезнет, ему придётся узнать, чего стоила привычка, которую он называл не любовью.

История о той, кого не выбирали, пока она не перестала ждать.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ая Лаговик

Невыбранная

Глава 1

Лифт закрылся за спиной практически сразу как Мира шагнула в коридор. Длинный, душный, с ковровой дорожкой, впитавшей чужие шаги. Чемодан катился с трудом, спотыкался на стыках, тянул руку вниз. Мира шла, наклонившись влево, как ходят люди, привыкшие нести чужой вес.

Четыреста десятый. Четыреста одиннадцатый. Четыреста двенадцатый.

Она остановилась. Перехватила ручку. За дверью смеялись. Низко. Знакомо. Слишком громко для часа ночи.

Девять лет она слышала этот смех чаще собственного. Этого хватало, чтобы по одному звуку понять: сейчас он лёгкий, довольный, беззаботный. Таким его любили трибуны. Такому ему прощали всё.

Там же, за дверью женский голос ответил мягко, почти сонно. Смех стал тише, осел ближе к полу. Потом наступила тишина, плотная и многозначительная.

Мира могла постучать. Не как женщина — как врач. Могла открыть дверь, окинуть взглядом комнату, бросить на ходу: «Вагнер, завтра в девять на лед. Не пей». Могла, но не

стала.

Пошла дальше. Колёсики стукнули о край ковра — в тишине коридора звук показался оглушительным. Дверь четверста двенадцать за спиной так и не открылась.

Ревновать вслух может лишь тот, кому хоть что-то обещали взамен. Ей не обещали ничего. Для Мирославы были заготовлены другие слова — тёплые, удобные, стёртые до гладкости: «Ты же понимаешь...», «Ты не как они...», «Будь всегда рядом». Как аптечка. Как лёд. Как телефон, который всегда на связи.

В номере она не стала включать верхний свет. Хватило настольной лампы — жёлтого пятна на потолке и немой синей полосы телевизора. Чужой матч, чужой город, чужие шлемы, чужие тела, скользящие по чужому льду. Мира села на край кровати, скинула туфли, посмотрела на руки. Короткие ногти. Сухая, стянутая после антисептика кожа.

Телефон дрогнул на тумбочке. Экран вспыхнул белым.

Макс: ты ещё не спишь?

Мира смотрела на строку. Долго. Дольше, чем следовало. Буквы расплывались, но она читала их снова и снова, будто искала в трёх словах другой смысл. Тот, что её устроил бы.

Мира: сплю.

Врать ему получалось только коротко. Всё, что требовало больше одной фразы, он считывал. Она не успела положить трубку.

Макс: врачия. открой

Она могла не открывать. У неё была своя жизнь. Диплом, ординатура, смены, расписанные недели, квартира в Остбурге, где она выросла. Двадцать семь лет — достаточно, чтобы уметь говорить «нет». Хотя бы через дверь.

Когда-то, школьницей, она слышала, как за стенкой он смеётся так, будто мир уже его. А ещё — двор. Коробка, залитый лёд, шайба до темноты, его спина впереди. Всегда впереди. В институте — трансляции из-за океана в три ночи и протоколы, зазубренные между сменами, между капельницами, между чужими жизнями. А в последние годы — его аптечка, его сборы, его раздевалка, которую он разряжал одним словом, его пульс под её пальцами, его лёд, его бинт, его след на её запястье.

Она открыла.

Макс стоял босой. Клубная футболка наизнанку, шов торчит поперёк груди. Тёмные волосы от влаги вились сильнее обычного. Глаза серо-голубые, с блеском, который она видела сотни раз. На воротах — чужой сладкий шлейф. Ваниль, что-то цветочное, что-то женское. Он даже не пытался его спрятать. Улыбнулся краем губ, зная, что ему это сходит с рук.

— Ты сказала, что спишь, — заметил он, будто поймал её на милом вранье. Будто это было их общей игрой.

— Ты сказал, что у тебя ранний отбой.

Он переступил порог без спроса. Закрыв дверь пяткой. Подошёл слишком близко для врача и игрока. В самый раз

для того, кем они были без свидетелей. Пальцами задел прядь у её виска — легко, будто имел на это право с детства. Будто это право было вшито в него, как в неё привычка ждать.

— Там уже никого, — сказал он тихо. — Ушла.

Это прозвучало так, будто женщина из четыреста двенадцатого была погодой. Была и прошла. Он сказал это без злости, без стыда. Почти ласково. Как будто делил с Мирой маленькую тайну взрослых людей: тем можно всё, они никому ничего не обещали.

В этом и была отравка. Он не выглядел чудовищем. Он выглядел своим. Тёплым. Знакомым. Тем, кого она знала наизусть. Каждую интонацию, каждую паузу, каждое движение брови.

Мира кивнула.

— Зачем пришёл?

— Потому что хочу к тебе, — ответил Макс честно и коснулся её щеки большим пальцем. В серо-голубых глазах было тепло. Настоящее на вид. — И потому что ты единственная, кто после всего этого не орёт. С тобой тихо. Мне это нужно.

Она закрыла глаза. Он всегда ранил, даже когда не хотел этого. Особенно тогда. Умел сказать так, будто делает ей честь своей нуждой.

— Ложись. Завтра игра. Мне тебя сдавать целым.

Он усмехнулся ей в волосы — тише, почти по-домашне-

му:

— Вот. Вот за это. Ты лучшая, Мир. Серьёзно.

Макс умел быть щедрым ровно настолько, чтобы человек оставался на месте.

Они легли, как ложились всегда. Рука Макса легла ей на талию — уверенно, без спроса. Мира слушала его дыхание и считала часы до выхода на лёд.

За окном — чужой город. Рядом — Макс Вагнер. Топовый игрок. Лицо Остбурга. Кубок за океаном и возвращение из-за скандала. Человек, которого хотелось простить заранее. Её первая любовь и первый мужчина. Единственный, кто знал её так близко. Он приходил когда хотел. После матчей, после чужих объятий, после пустоты, которую сам же оставлял. Стучал. Входил. Она открывала. Потом лежала и слушала, как выравнивается его дыхание.

Перед сном он пробормотал:

— Мир. Ты же никуда не денешься?

А ей слышалось другое: не выходи из роли, пока я не разрешу.

— Я сплю, не мешай— ответила она.

И почти не соврала. Ей правда хотелось провалиться в сон, где этих девяти лет не было. Его дыхание вскоре стало ровным, а Мира ещё долго лежала с открытыми глазами, пока темнота за окном не перестала отличаться от темноты внутри неё. Потом и она провалилась в сон.

Будильник зазвонил рано. Пока Макс лениво просыпался,

Мира еще раз проверила аптечку, сверила составы и вышла в коридор раньше команды. Чемодан снова покатился по ковровину мимо четырехста двенадцатого. В этот раз за дверью было тихо.

Внизу пахло кофе из автомата и утренним холодом от стеклянных дверей. Кофе был дрянной, но горячий. Мира держала стакан в ладонях дольше, чем нужно. Автобус команды стоял с включёнными габаритами. Кто-то из молодых курил в стороне. Капитан кивнул Мире коротко, по-деловому. Врач на месте — значит, день начался правильно.

Она заняла привычное место у прохода. Сумка между колен, термос с травяным чаем, который Макс презирал и всё равно однажды отпил, когда болело горло перед дерби. Ещё и пошутил: «Ты меня лечишь или травишь с любовью?» Тогда весь автобус засмеялся. Макс умел так. Бросить фразу так, чтобы хорошо становилось всем, кроме неё.

За окном город ещё не проснулся до конца. Мира листала план в телефоне. Тейпы, запас охлаждающих пакетов, кому нельзя допускать удар в борт после последней травмы.

Макс появился последним. В худи с капюшоном, в наушниках. На пороге автобуса снял один наушник, кивнул водителю, хлопнул по плечу молодого защитника и сказал что-то короткое, от чего парень расправил спину. Харизма у Макса работала даже спросонья.

На Миру он почти не посмотрел. Скользнул взглядом, будто проверяя инвентарь. На месте. Потом плюхнулся на

задний ряд к своим и через минуту уже слушал чужой анекдот с той ленивой улыбкой, которая доставалась всем.

Это тоже было их языком. Ночью: «открой», «ты лучшая». Утром её снова не существовало, пока не требовался лёд или профессиональные руки на мышцах.

Автобус тронулся. Кто-то тихо включил музыку. Кто-то спорил о судеистве прошлого тура. Мира думала о простом: сегодня он выйдет на лёд целым, потому что она сделала свою работу. А после сирены снова станет не её заботой, а всеобщим любимчиком и достоянием города.

Арена встретила холодом, резиной и сладкой гарью попкорна. Она любила этот запах. Всегда любила. В медблоке Мира разложила всё по местам быстрее, чем думала. Руки уже давно научились действовать на автомате.

Макс сел на кушетку. Мира знала, что будет дальше: в дверях уже толпились — кто за тейпом, кто просто поздороваться. Макс умел делать людей нужными на десять секунд и уносить эту нужность с собой, как сувенир. А когда дверь закрылась, он снова стал только её пациентом. Точнее, снова взял её время как само собой разумеющееся.

— Ну давай, спасай, — сказал он весело и подставил плечо. — Без тебя я развалюсь. Ты это знаешь.

— Развалишься — заменю, — сказала Мира, не поднимая глаз. — У меня очередь из молодых, которым тоже нужна моя помощь.

Он хмыкнул. Не ожидал. На секунду в лице мелькнуло

что-то живое. И сразу пропало.

Мира уже знала, куда смотреть. Старая травма запястья, плечо после силового, колено, которое он ненавидел признавать. Работала молча. Он сначала шутил, потом затих, когда пальцы попали в нужную точку.

— Сильнее, — сказал он сквозь зубы.

— Сделаю сильнее — к третьему периоду не сможешь выйти.

— Ты всегда умнее всех, — он поднял на неё глаза, и на секунду в них мелькнула та самая упрямая детскость, от которой когда-то невозможно было отвести взгляд. — И всё равно лучше всех. Не делай вид, что не слышишь.

— Я всегда та, кто потом тебя собирает.

Он хмыкнул. В этом мелькнуло почти уважение. Почти. Потом качнул головой на дверь:

— Не хмурься. А то подумают, что ты мной недовольна. Мне перед парнями нельзя выглядеть виноватым. Ты понимаешь.

— Я врач, — спокойно сказала Мира, — мне можно быть недовольной твоим плечом.

Макс поймал её запястье на секунду. Не грубо — привычно. Провёл большим пальцем по коже и отпустил сразу, будто сам испугался жеста.

— После игры, — бросил он. Обещание и заказ в одной фразе.

Перед выходом на лёд он ещё раз обернулся. Уже в шле-

ме, уже чужой и общий. И вдруг подмигнул ей — быстро, почти по-мальчишески. Это вышло так живо, что у Миры на секунду сбилось дыхание. Потом он растворился в свете прожекторов, а она осталась с тейпом в руках и глупой мыслью. Вот за это зацепляются. За такие секунды.

Сирена, лёд, крик трибун. Она стояла у борта в зоне запасных и следила не за счётом, а за тем, как он двигался. Макс Вагнер на льду был другим человеком. Собранным, жадным до скорости, красивым той опасной красотой, за которую город прощал ему слишком многое. После гола он поднял клюшку, обернулся к трибунам, и сектор взвыл так, будто ему лично улыбнулись. Мира видела этот профиль каждый день и всё равно ловила себя на том, что сердце отвечает. В такие минуты город влюблялся в него заново, и она понимала почему. Макс умел быть всеобщим чудом. Беда была в том, что чудо потом открывало её дверь, как свой запасной шкафчик, — без стука и без благодарности.

Когда его сбили у борта, весь сектор охнул. Мира уже сделала шаг. Он поднялся сам, тряхнул тёмными мокрыми волосами, показал перчаткой: нормально. На неё не посмотрел. И всё же она осталась на ногах до конца смены.

Они выиграли. Раздевалка взревела едва они переступили ее порог. Кто-то лил воду на голову, кто-то орал в телефон родным. Макс принимал поздравления легко, как должное. Обнял капитана, пошутил с вратарём, подписал подошедшей группе волонтеров кепку так тепло, будто у него на это была

целая лишняя жизнь. И только когда толпа чуть расступилась, нашёл взглядом Миру у дверного косяка.

— Живой, — сказал он хрипло, с улыбкой. — Скажи спасибо себе. Без твоих рук я бы уже лежал.

Он умел платить словами так, чтобы человек оставался удобным. Рядом кто-то засмеялся, и Макс тут же перекинул шутку дальше, не теряя нити разговора ни с друзьями, ни с ней. Будто Мира была и частью команды, и личной наградой за хороший матч. В этом и была его сила. Он раздавал тепло щедро, а забирал близость так естественно, что отказать казалось невежливостью.

— Пока да, — ответила она. — Зайди. Плечо посмотрю.

В медблоке после победы всегда тесно. Адреналин, смех, запах пота и мази. Мира работала быстро и чётко. Макс сидел тихо — необычно долго, глядя ей в лицо. Потом всё же не выдержал и усмехнулся:

— Не делай вид, что тебе всё равно.

— Мне не всё равно. Просто не так, как тебе хочется.

Он замолчал. Для Макса это было редкостью. Удар принять и не отбить шуткой. Когда она закончила, он накрыл её ладонь своей. Будто случайно. Будто просил не отпускать слишком быстро.

— Автобус через сорок минут. Не пропадай. Ты мне ещё нужна.

«Нужна» прозвучало просто. И страшно точно.

— Я в списке команды, — напомнила Мира. — Пока не

пропаду.

На выходе из арены команду уже ждали вспышки камер. Макс ушёл в свет, став снова общим. Мира осталась в тени служебного коридора с сумкой, в которой лежал его холод и её работа.

В автобусе он снова сел далеко. Через проход ему протянули наушник, он засмеялся над чужим видео так заразительно, что засмеялись соседние кресла. Потом, не глядя на Миру, достал телефон.

Сообщение пришло, едва они выехали с парковки.

Макс: в отеле ждать будешь?

Мира смотрела на экран. За окном плыли фонари чужого города. В голове всё ещё стоял смех из четырёхста двенадцатого, шлейф духов на его футболке и его «ты лучшая», его «ты мне ещё нужна».

Она набрала медленно, стирая и печатая заново:

Мира: Как врач — да. Как вчера — больше нет.

Ответ не приходил. Автобус тряхнуло на повороте, кто-то сзади засмеялся, а она всё смотрела на экран. Потом обернулась: Макс смотрел в телефон, а затем резко убрал его в карман. Ещё через минуту экран всё же вспыхнул.

Макс: ну ок

Макс: понял

Макс: серьёзно?

Она не видела его лица. По трём словам не понять, обиделся он или отступил. Может, и то и другое. Потом пришло

ещё одно.

Макс: вечером зайду

Он не спрашивал. Знал.

Мира выключила экран и прижала сумку к груди. За девять лет она выучила Макса лучше расписания домашней арены. Где он будет обаятелен, где до больного резок, где скажет правду так красиво, что она станет похожа на подарок. Ненавидеть его целиком не получалось. Любить без остатка тоже. Оставалось чувство, от которого хотелось разом и открыть дверь, и захлопнуть её навсегда.

Впервые за девять лет ей захотелось не открыть. Не из мести. Из простого, почти медицинского любопытства: что будет с человеком, если отнять у него привычное обезболивающее. Тем более если этот человек уверен, что обезболивающее принадлежит ему по праву.

Остбург ждал их следующим утром. Родная арена, пресса, соседняя квартира, старые правила. Но ночь ещё принадлежала этому коридору, этой двери, этому слову «откроешь», которое больше не звучало законом.

Мира ловила себя на том, что внутри уже спорят два голоса. Один помнил его пальцы на щеке и «ты лучшая». Другой помнил сладкий шлейф на воротах. Оба были про одного человека. В этом и была ловушка.

Автобус въехал к гостинице. Мира вышла последней, забрала чемодан из багажного отсека и, пропустив парней, поднялась на этаж медленнее обычного. Мимо четыреста

двенадцатого прошла не сбавляя шага и не глядя на дверь. Чемодан катился за ней и в этот раз не запнулся ни разу.

У своего номера она остановилась, достала карту и поняла, что руки слегка дрожат. От волнения. От того, что впервые за долгое время внутри шевельнулось не согласие, а выбор.

За спиной лифт звякнул. Мира не обернулась. Провела картой. Замок щёлкнул.

— Мир.

Она обернулась. Карта осталась в руке. Дверь так и не открылась.

Макс шёл к ней. Усталый после игры, осторожный, будто не до конца верил, что его впустят. Тёмные волосы после дороги снова чуть вились. Серо-голубые глаза смотрели прямо.

Он улыбнулся. Коротко, почти виновато. Улыбка была настоящей. У Мира вновь защемило сердце. Она держала карту и слышала «ты лучшая». Он говорил это всегда, когда хотел остаться.

— Плечо целёхонько, я перед выездом проверяла, — наконец сказала Мира. — Остальное завтра.

Макс остановился. Поднял руку и опустил, так и не коснувшись двери.

Запах коридора, ковёр, далёкий гул льда в памяти. Мира Савицкая, двадцать семь, командный врач. Макс Вагнер, двадцать девять, топ, привыкший входить без стука.

Сегодня не войдёт.

Мира провела картой. Замок щёлкнул. Она шагнула внутрь и притворила за собой — тихо, без хлопка.

И впервые за девять лет легла спать, не считая часы до его выхода на лёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.